

Олег Кондратьев

ПОЧЕМ ФУТ ПОД КИЛЕМ?

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАПИСАНО ПЕРОМ"

Олег Кондратьев

Почем фут под килем? (сборник)

«Написано пером»

2014

Кондратьев О.

Почем фут под килем? (сборник) / О. Кондратьев — «Написано пером», 2014

Кому из вас, уважаемые читатели, не приходилось, хотя бы раз в жизни, лечить зубы? А, участвовать в концерте художественной самодеятельности, пусть даже в далекие школьные годы? Впрочем, если еще можно допустить, что с самодеятельностью – особенно, художественной – близкие отношения сложились далеко не у всех, то в первом вопросе обилие непревзойденных специалистов превышает все разумные пределы. Однако, не торопитесь считать себя профессионалами, способными дать нужный практический совет всем вынужденным жертвам зубодробительной стоматологии! Всегда, как говорится, возможны варианты... Что, если лечиться вам предстоит не в сверкающих стерильностью чертогах современной клиники, вольготно распластавшись в шикарном анатомическом кресле, а, скажем, на колченогом стуле в малюсенькой медицинской каюте атомной субмарины на глубине нескольких сот метров под водой? Да, к тому же, ваш «добрый доктор Айболит» из всех многочисленных «отраслей» медицины меньше всего имеет представление о стоматологии?! Теперь о самодеятельности. Точнее, о тех, у кого с ней отношения с детства не сложились. А придется поучаствовать! Во-первых, потому, как – ПРИКАЗ. А, во-вторых, куда же вы, на фиг, денетесь с подводной-то лодки?! Вот в таких необычных условиях оказываются герои предлагаемых вашему вниманию рассказов. И, когда с честью, когда с конфузией, находят свой нетривиальный выход из сложных ситуаций.

© Кондратьев О., 2014
© Написано пером, 2014

Содержание

От автора	7
Хирургия	9
Злоумышленники	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Олег Кондратьев

Почем фут под килем? (сборник)

© О. Кондратьев, 2014

© ООО «Написано пером», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящается светлой памяти моего сына Дениса.

От автора

(коротко, невнятно и для прочтения не обязательно)

Странное название для книги... Хотя...

Каждому, безусловно, знакомо, пожалуй, самое известное морское напутствие: «Семь футов под килем!» Удачного и безопасного, мол, вам плавания, господа. А ведь родилось оно в незапамятные времена становления еще парусно-гребного флота. Сколько воды с тех пор утекло, а вот, поди ж ты, сохранилось в девственной неизменности, хотя и напрочь утратило, скажем так, свои «математические параметры». Ну, какие же сейчас «семь футов»?! Это всего-то немногим более двух метров. При значительно выросших за тысячелетия размерах водоплавающих средств, колоссального увеличения их объемов, то есть, водоизмещения, подобный запас глубины не просто смешон, он катастрофически опасен!

Но, даже это в нашем случае – не самое главное. Появилась несколько иная... э... разновидность этих самых «водоплавающих средств». Которые не ограничивают себя безмятежным горизонтальным скольжением по гладкой, изумрудной поверхности естественных водоемов, а норовят установить свою вертикаль: туда, вниз, в до сих пор так мало изученную и исследованную коварную глубину.

Кажется, Вы, уважаемый читатель, уже поняли, что речь идет о подводном флоте. И об особой категории моряков – о подводниках. И вот уж им-то я бы в любом случае никому и никогда не советовал пожелать эти самые разнесчастные семь футов под килем! Даже от чистого сердца и незамутненного специфичными знаниями мозга. Могут и в морду дать. Почему?

Так ведь...

Стоп! Как раз тут и начинаются эти самые «специфичные» знания. Не время и совсем не место для лекции по теории плавучести, остойчивости и черт-те знает, чего еще там. Ну, а если, все-таки, коротенько...

Нелегко жить на этой вертикали. Поэтому, хоть человечество когда-то и выкарабкалось на твердую землю именно из глубоких пучин Мирового океана, возвращаться туда добровольно вовсе не собирается. Не та стихия. Темно, мокро, давит со всех сторон, и воздуха вовсе нет. Ну, разве что, совсем неглубоко и ненадолго заглянуть... Спасибо за разрешение!

Конечно-конечно, не пешком же отправляться на волнительное свидание с Океаном-пра-родителем! Человек смастерил себе надежный – на его взгляд! – защитный кокон: субмарину, подводную лодку. И началось веселье! Ага, прямо по определению. Никому же до этого не взбрело в большую голову назвать лодкой хищную и стремительную стальную громадину, величаво рассекающую вдребезги и напополам всякие там девятые и двенадцатые валы многотонной водной субстанции. Дредноуты, линкоры, крейсера, авианосцы, эсминцы на худой конец... Песня, а не названия. А тут – лодка. Что там говаривал незабвенный капитан Врунгель: «... как вы средство назовете, так оно и...?!»

Мало того, открою вам одну большую тайну, тревожащую умы многих обитателей реальных сухопутных поверхностей: на подводной лодке нет окон! Вот так, совсем нет. Типа, а чего там смотреть? Муть одна.

И, вообще, что это за поход в гости, когда все нужно с собой приносить? Электричество, воздух... А еще: туда не ходи – раздавит, сюда не приближайся – расплющит, об дно стукнешься – костей не соберешь.

Сплошной негатив на грани нервного срыва.

Так что, семьсот футов вам под килем, а лучше, семь тысяч, дорогие подводники!

А, что касается веселья...

Давайте совсем ненадолго, всего на три рассказа, отодвинем в сторону героические и трагические саги, а посмотрим на замкнутый мир нашей самой современной субмарины добрыми, чуть грустными и непременно лукавыми глазами... ну... скажем... как у великого Чехова! Антона Павловича.

Итак...

Хирургия

Атомная стратегическая подводная лодка возвращается с учений. До прихода в родную северную базу остается не более двух суток. Полночь. Только что на вахту заступила первая боевая смена. Остальной личный состав быстро рассредоточивается по каютам, чтобы свободные от тревог и отработок короткие ночные часы использовать по самому прямому назначению – выспаться.

В помещении амбулатории, совмещенной с крохотным лазаретом на одну двухъярусную койку и туалетом, начальник медицинской службы лейтенант Кочубей, а попросту, доктор Леха, закончив нудное заполнение технических формуляров, готовится совершить приятный ритуал отхода ко сну: заварив кружку чая, уединиться в микроскопическом туалете, включить автономный вытяжной вентилятор и под его негромкое завывание выкурить одну или даже две сигареты подряд. Конечно, это было грубейшим нарушением строгих корабельных правил, категорически запрещающих в подводном положении курение где бы то ни было, кроме единственной «официальной» курилки в 4-ом отсеке, но... Можно ведь при желании отыскать вполне приятные мелочи в нелегкой службе корабельного врача.

В свою персональную курилку Леха втискивается с трудом, стараясь не расплескать горячий чай. При его габаритах – росте под 190 сантиметров и весе в центнер – это весьма непростое упражнение. Ему б на волю, на поля сражений, удаль молодецкую показывать, а вот, поди ж ты, уготовила судьба другую участь: в прочном корпусе новейшей атомной стратегической субмарины людей лечить. Зато такая фактура вполне компенсировала возможное недоверие пациентов из-за сравнительно молодого возраста – всего-то 25 лет.

Алексей был симпатичен, несмотря на явно намечавшуюся лысину (кто ж на такую высоту сверху заглянет?), громогласен, весел и остроумен в компании. Сейчас он вполне умиротворен, даже благостен.

В это время с оглушительным лязгом снаружи отдраиваются обе переборочные кремальеры, щелкает входная рукоятка и в амбулаторию вваливается лейтенант Копылов. Его лицо перекошено страданием, светлые волосы взъерошены, в серо-голубых глазах застыла всепоглощающая боль и неизбывная космическая тоска.

От неожиданности и громогласности такого появления Кочубей, уже наполовину скрывшийся в заветном туалете, сильно вздрагивает. Кружка с кипятком в его руках добросовестно повторяет это содрогание тела и выплескивает на упругий живот корабельного доктора изрядную порцию своего содержимого. Из Лехино горла вместо обычного бархатного баритона вырывается чудовищный фальцет, в котором тренированное ухо вполне может различить и «...мать...», и ... Обширный словарный запас специфичных выражений всегда был предметом гордости лейтенанта Кочубея, а умелое применение ненормативной лексики вызывало зависть даже у бывалых подводников.

Однако, Копылов на происходящее не обращает ни малейшего внимания. Он шагает внутрь и обводит нездоровым взглядом помещение в поисках его хозяина.

– Стучаться надо!!!

Первые членораздельные слова доктора явно запоздали. Впрочем, вошедший не обращает и на них никакого внимания, отмахнувшись рукой, как от надоедливой мухи.

– Леха, все! Не могу я больше терпеть!! Что хочешь делай, но избавь меня от этого. Копылов осторожно указал пальцем на распухшую щеку, старательно не дотрагиваясь до нее.

Кочубей с тихим вздохом подходит к замершему посередине амбулатории страдальцу и внимательно разглядывает приподнятую верхнюю губу и грозный в скором времени совсем закрыться глаз.

– Полоскал?

– А...

– Таблетки вчерашние съел?

– Так еще вчера. И содой, и солью, спиртом, одеколоном... Господи! В ухо стреляет, в носу дергает, глаз уже на резкость не наводится. Впечатление такое, что эти больные зубы у меня по всей голове понатыканы, и еще пара штук в жопе!

Такое признание обнадеживает доктора:

– Слушай, – с надеждой в голосе произносит он, – может, сразу оттуда и начнем, а?

– Издеваешься, да?!

– Вовсе нет! Просто, видишь ли, в Военно-медицинской академии я проявлял значительно большие успехи в проктологии, чем в стоматологии, и...

– Ладно, Леша, давай серьезно. За эти несколько дней я окончательно созрел. Никаких надежд дожить до базы у меня не осталось.

– Всего-то не больше двух суток... А я тебе димедрольчик, промедольчик, блокадочку новокаиновую...

– А усыпить на весь этот срок, так, чтобы никто не разбудил, сможешь?

Кочубей вздохнул и только с сожалением развел руками.

– Значит, будешь рвать!

– Саня, мы об этом еще вчера говорили. Ты и сам хотел зуб сохранить, да и я, сознаюсь, не виртуоз в этом деле.

– Так то вчера было, я еще думать и рассуждать здраво мог. Но теперь... Неужели ты откажешь другу в последней просьбе?!

Алексей еще раз внимательно посмотрел на Копылова. На этот раз прямо в глаза.

Они сдружились, когда полтора года назад свежеепеченными лейтенантами попали служить на этот подводный ракетоносец. Оба были коренными питерцами, отлично играли в шахматы и преферанс, одинаково непринужденно чувствовали себя и в «суровой мужской» компании и в изысканном дамском обществе. Копылов был не так высок и не столь массивен, но его по-спортивному подтянутая фигура внушала не меньшее уважение.

– Ладно, Сашок, уговорил. Только... – доктор слегка замялся.

По-своему истолковав заминку, Копылов жестом профессионального фокусника извлекает откуда-то из-под рубахи плоскую металлическую фляжку и водружает ее на письменный стол.

– В общем-то, я о другом, но это мы, конечно, завсегда-с, с неременным нашим удовольствием. Весьма полезно для нервного успокоения перед началом процесса.

– А уж мне-то просто необходимо!

На это доктор сосредоточенно кивает и достает из настенного шкафчика два мерных стакана и металлическую банку с витаминами-драже «Гексавит». Каждый молча наливает себе граммов по пятьдесят из фляжки, потом по очереди разводят водой прямо из-под крана в умывальнике и выпивают. Леха кидает в рот две желтенькие витаминины, а Копылов отдергивает протянувшуюся было к банке руку:

– Вот, блин, даже закусить не могу! Послушай, Эскулап, я слышал, что когда выпьешь, наркоз не берет, правда?

– Мы же тебя не усыплять будем. А местная анестезия... Кстати, о ней: сейчас вместе прочитаем инструкцию по использованию и разведем этот... как его... а... новокаин, как полагается. Ты запоминай, подсказывать будешь.

– У-у-у, двоечник проклятый! Чему тебя только в Академии учили?!

– Нормально учили. Вот ты, Саня, инженер, спец по ядерным установкам, справочниками пользуешься?

– Ну-у-у...

– Так не лишай меня такой же возможности. В конце концов, ты хочешь, чтобы зуб качественно удалили? Вот и помогай!

Кочубей долго роется в многочисленных ящиках, пока не извлекает необходимую упаковку с ампулами. На ней действительно крупными буквами написано «НОВОКАИН», а внутри имеется пространная инструкция по применению.

– Леша, а ты, часом, не похож на ту домохозяйку, которая на пачке сахара пишет «Соль», чтобы муравьи не забирались?

– Умник! Детские бородатые анекдоты еще помнишь. Слушай внимательно и запоминай.

Доктор скороговоркой читает как, что, чем и в каких пропорциях требуется разводить, потом задумчиво вертит головой:

– Ну просто, как первый раз слышу. Зато написано все очень понятно. Начинаем!

Наконец, шприц наполнен, и только теперь Алексей приступает к более внимательному изучению объекта, то есть непосредственно распахнутого во всю ширь рта лейтенанта Копылова.

Надо заметить, что какое-либо специальное «зубоврачебное» оборудование на подводной лодке отсутствует. Нет знаменитого кресла – конечно, из-за элементарного дефицита жизненного пространства, нет штатной бормашины – вероятно, по тем же причинам, даже приличного набора инструментов нет – это уже просто потому, что с течением времени используемые не всегда по прямому назначению щипцы, ключи, «козьи ножки» имеют поразительное свойство бесследно исчезать не только из выдвижных ящиков стола, но и из закрытых и опечатанных коробок с запасным инструментом. Конечно, потом все пропажи добросовестно списываются установленным порядком: «истек срок эксплуатации», «пришли в негодность из-за тяжелых условий использования», наконец, просто «смыло волной за борт при оказании скорой и неотложной медицинской помощи на наружном мостике».

Но немного есть на флоте врачей, кому удастся получить со складов мало-мальски добротный инструмент взамен безвременно утраченного. Вот и приходится что-то приобретать самому, что-то выпрашивать у знакомых врачей в береговом госпитале, что-то мастерить руками из подсобного материала, в общем, выкручиваться, обзаводясь со временем вполне приличным инструментарием. Только этого времени доктор Леха еще не накопил, так как был пока лейтенантом и лишь постигал нюансы и хитрости своей гуманной профессии.

Копылов сидит на простом складном стуле прямо посередине амбулатории, в самом ярком месте, высоко задрав голову, а уже облаченный в белый халат Кочубей со шприцем в руке сосредоточенно уставился в его раскрытый и оскаленный рот, беззвучно шевеля губами.

– Молитву читаешь или общее количество зубов подсчитываешь? Это тебе не взятки в преферансе, больше одного все равно не дам вырвать!

– Дай Бог, с одним-то справиться, – тихо произносит Алексей. – Понимаешь, Саня, твой больной зуб как раз четвертый в верхней челюсти.

– Да хоть двадцать четвертый! Вонзай уж свою иглищу!

Доктор, не обращая внимания на шепелявое Санькино бормотание, рассуждает:

– Помню, как-то на лекции в Академии...

– ...на которую ты совершенно случайно попал после ночных практических занятий по гинекологии с персоналом соседнего женского общежития, – вставил, не удержавшись, Копылов.

– Возможно, возможно... Так вот, там говорили, что четвертый зуб еще называют «глазным», потому что его необычно длинные каналы выходят куда-то прямо под глаз, – доктор говорит медленно, для себя, старательно что-то припоминая, – значит, для успешной заморозки надо в эти каналы попасть и продвинуться, как можно глубже. – Он выбирает из кучи на столе самую длинную иглу и надевает ее на шприц. – Теперь сиди, не дергайся, будем колоться.

– Может, сначала еще по чуть-чуть «природного анестезина» примем?

– Нет! Я уже ощущаю достаточную твердость в руках и решительность в душе.

Доктор сосредоточенно вводит иглу, слегка двигая кистью руки из стороны в сторону, как бы нащупывая проход. Пациент кривится, сопит, тяжело дышит, но изо всех сил старается не дернуться головой или всем телом. Наконец, на лице врача появляется удовлетворенная улыбка, а большой палец медленно до упора вдавливая поршень шприца. К этому времени иглы уже почти не видно за зубами. Вытаскивание происходит быстро и безболезненно.

– Во! Теперь пять минут подождем, как в инструкции написано, и, благословясь, приступим.

– Леша, ведь ты уже ввел заморозку, да?

– Ну!

– Значит, можно для поддержания моего боевого духа... граммов сто... Они ведь уже не успеют как-то помешать процессу? А то я что-то перестаю ощущать необходимую твердость и прежнюю решительность.

После секундного раздумья Кочубей согласно кивает:

– И врачу вовсе не мешает допинг!

Отработанный процесс завершается быстро и четко.

– Сейчас проверим готовность, – с этими словами Алексей какой-то металлической палочкой стучит по больному зубу.

Реакция Копылова мгновенна и впечатляюще естественна: он подпрыгивает со стула метра на полтора, хватаясь за щеку левой рукой, а правой норовит заехать Кочубею в морду. Тот легко отстраняется и спокойно констатирует:

– Не взяло. Может, в Инструкции чего напутали или состав просрочен...

Отдышавшись, Саня выдавливает:

– Я же тебе давно говорил, что у меня слабая чувствительность к обезболивающим!

– А мы сейчас еще разведем, и повторим укольчик.

Копылов тут же тянется к флажке.

– Да я о новокаине! Хотя, и это тоже, непременно-с!

Повторный укол происходит значительно быстрее и качественней.

– Во, как руку-то набил! – В голосе Алексея слышится гордость, – в игольное ушко могу этого... ну... короче, провести кого-то.

Копылов не спорит. Он сначала осторожно языком пробует свой зуб, потом надавливает пальцами на щеку, морщится и подходит к умывальнику, над которым укреплен шкафчик с зеркалом. Увидев там, вероятно, что-то необычное, лейтенант просто утыкается носом в собственное отражение. В молчании проходит секунд двадцать. Затем от умывальника доносится какой-то сдавленный всхлип, и тревожный голос, в котором угадываются истерические нотки, вопрошает:

– Эт-т-т-о ты чего натворил?! У тебя, небось, по офтальмологии точно «пятерка» была! Ах ты долбаный ученик Святослава Федорова!..

Ничего не понимающий доктор оборачивается на голос:

– Что, подействовало?

– Еще как!!! Ты мне не четвертый зуб собираешься удалить, а второй глаз!!! Смотри, паразит!

Саня отходит от умывальника и подставляет лицо под яркий свет люминисцентной лампы. Под его правым глазом, как раз на выступе скулы, виден желвак размером с голубиное яйцо. Кожа на нем и вокруг пергаментно-белого цвета, а на самой макушке «холма», искрясь, поблескивают какие-то кристаллики.

– Это же иней!!!

Оба уже хорошо понимают, что произошло.

– Вон оно как заморозилось-то... И состав вовсе не просрочен... А в канал я все-таки мастерски попал!

– Снайпер хренов! Да я тебя...

– Успокойтесь, лейтенант! – Помимо воли Лехины толстые губы разъезжаются в улыбке. – Слушай, Саня, ну ее на хер эту химию в жопу! Давай-ка, перекурим это дело в моем персональном туалете, потом примем настоящего обезболивающего по стакану, и в состоянии общего алкогольного наркоза удалим все к чертовой матери!

– Глаз, что ли?

– Ладно тебе, промахнулся чуток с глубиной погружения. Не смертельно ведь! Кстати, у тебя никаких проблем со зрением нет? А то ведь пока не рассосалась я могу все подрихтовать. Фокус там навести или орлиную дальность...

– Я тебя, недоучку, и так насквозь вижу! Засунь в задницу свой красный диплом. Да не мне, охальник! Черт с тобой, – Копылов уже вполне миролюбиво заключил, – только общая анестезия исключительно для меня, понял?! Вот вырванный зуб мне на ладошке покажешь, тогда хоть залейся.

– Санечка, у меня же твердость из рук уходит, и прицел сбивается. Вдруг еще кусачками ушко тебе оттяпаю или носик?

– Ладно, пятьдесят граммов.

– Семьдесят.

– Шестьдесят, и конец торгам!

– Благодарствую, родимый!

Они в точности исполняют задуманное, и доктор уверенно берет в руки щипцы.

– Я тебе, Саня, откровенно скажу. Вообще-то, положено иметь отдельный инструмент...ик!...для каждой... ик!...разновидности зубов. Но... у меня только один «ключик». Черт его знает, для верхней он челюсти или для нижней... ик! Замучила, проклятая!

– Пить...ик!...надо меньше. Может, этот «ключ...ик!» у тебя и вовсе для гинекологических целей?

Доктор серьезно и внимательно разглядывает инструмент, вертя его пальцами из стороны в сторону:

– Не-а, коротковат будет. К тому же на коробочке было написано «для зубов». Правда, карандашом.

– Может, для надежности мне из собственного арсенала технические плоскогубцы принести?

– Нельзя! Нам спирта не хватит их дис...диз...ин-фи-ци-ро-вать!

– Так я сбегаю и принесу еще, если надо.

– Сидеть! Побежишь уже беззубый. Открывай рот!

Кочубей ухватывает щипцами зуб и начинает расшатывать его. Саня изо всех сил вцепляется обеими руками в сиденье стула, его глаза закрыты, на лбу выступают капли пота, но он лишь мужественно мычит. С доктора пот льется просто ручьем. Наконец, раздается громкий, металлический щелчок.

– Сорвались, мать их... Надо ухватить покрепче.

Из пораненной десны кровь стекает на подбородок и разбрызгивается по сторонам при каждом взмахе Саниной головы. Белый халат доктора уже похож на фартук мясника после разделки свежей туши.

Леха теперь упирается ногой в сиденье, берется за щипцы обеими руками и вкладывает в процесс всю свою нерастрченную еще богатырскую силу. Слышится хруст и опять металлический щелчок. Не выпуская из рук инструмент, доктор отступает на шаг и садится на письменный стол.

– Коронка не выдержала. Заломалась к свиньям! Наверно, ты в детства кальция недо-едал. На вот, прополощи пока рот. – Он наливает в стакан спирт, слегка разбавляет водой и протягивает Копылову.

Глаза инженера-лейтенанта затуманены мукой и количеством уже принятого внутрь обезболивающего. Он шевелит во рту языком, натывается на невыкорчеванные обломки и с недоумением глядит на Кочубея.

– Ничего. Сейчас передохнем чуть-чуть, и я тебе остальное дообламываю, чтобы не мешалось. Это уже не больно. Отрихтую, как обещал. Пошли, покурим, Санек!

Обломки зуба Копылов выплевывает прямо на пол и только потом отправляет в рот переданный ему доктором стакан.

– Послушай, садист, у вас в Академии бывали какие-нибудь практические занятия, отработки, что ли, тренировки на людях, а? Или только в морге на трупах?

– Да не ходил я никогда на эту чертову стоматологию! Мне девочки-ассистентки за красивые глаза в классном журнале все посещения оформили и зачет поставили.

– Митрофанушка!

– Па-а-а-прошу без намеков! – Кочубей был по отчеству Митрофанович.

– Ладно, докуривай. Потом еще разок прополощим пасти, и ты завершишь, наконец, свое черное дело!

– Вот и чудненько! А я тебе, как моему первому «зубному» пациенту банку «Гексавита» подарю. В них и кальций есть!

Сашка уже шутливо замахивается на доктора рукой, а тот с довольным видом подставляет для поцелуя хитрющую пьяную рожу.

Самое примечательное, что уже на следующее утро зуб, точнее, пенек с корнями, который от него остался, у Копылова совершенно не болел! Опухоль со щеки спала. А к моменту прихода подводной лодки в базу другие навалившиеся заботы напрочь стерли из его памяти воспоминания о перенесенных мучениях.

Всплыли они лишь лет через пять вместе с распухшей щекой и нестерпимой болью в заросшем к тому времени десной корне многострадального «глазного» зуба. Зато капитан-лейтенант Копылов служил уже во вполне цивилизованном месте, где дежурный врач-стоматолог в поликлинике без всяких усилий за пять минут навсегда удалил вопиющие огрехи Кочубеевской некомпетентности...

Злоумышленники

Подводная лодка уже давно прочно обосновалась на стапелях большого цеха судоремонтного завода города Северодвинска. Так давно, что наконец-то подошел радостный для подводников момент, когда разобранную изнутри по кусочкам океанскую громадину надо было возвращать в рабочее состояние. Заканчивался средний ремонт. Начинался вселенский аврал.

В течение более полугода от силы два-три десятка рабочих со скоростью и усердием беременной черепахи ползали по практически пустым отсекам, выгородкам, трюмам, откуда еще в первые месяцы ремонта было вырезано и выгружено все оборудование. Небольшая его часть подлежала капитальному ремонту, а остальное – полной замене. Теперь надо было установить все обратно, отрегулировать, настроить...

Число одновременно работающих на заказе людей подскочило до полутысячи и неуклонно рвалось к новым рекордам. Уследить за таким скопищем рабочих было физически невозможно личному составу экипажа, обескровленному сокращениями штатов, плановыми заменами и прочими служебными необходимостями.

Но никто не отменял Правила Пожарной Безопасности! Согласно им в каждом отсеке должны были находиться определенное количество огнетушителей и один или два аварийных щита, укомплектованных строго обязательным набором инструментов: кувалдой, пилой-ножовкой, молотком-зубилом... Такой щит сооружался из толстой листовой стали площадью около 1 кв.м., укреплялся на переборке в наиболее доступном месте и выкрашивался в ярко красный цвет. На нем раскреплялось указанное оборудование; причем, деревянные части красились красным цветом, металлические – черным, а рабочие кромки инструментов должны были ослепительно сиять первозданным стальным блеском.

Теперь представьте простого рядового работягу, которому в отсеке что-то понадобилось срочно отпилить, отрезать, согнуть, забить... Так вот же рядом тебе и молоток, и кувалда, и пила! Хвать со щита, и в трюм. Хорошо, если не заламает окончательно, но уж обратно на место принести, так это дудки!

Вот и ползают по окончании каждого рабочего дня по опустевшему отсеку матросы, часто во главе с самим командиром отсека, отыскивая разбросанный и сломанный инструмент и водружая его на прежнее место. А собрать да спрятать никак нельзя. «Правила» не позволяют!

Раз найдешь, два подберешь, а через неделю все равно затеряется что-нибудь. Чем заменить? В двух-трех хозяйственных магазинах Северодвинска ни кувалды, ни молотки-зубила не продаются.

Когда же число рабочих вырастает до сотен, а трудятся они и во вторую, и даже в третью смену, проблема приобретает уже общекорабельное значение.

После утреннего построения экипажа старпом собирает вокруг себя командиров отсеков.

– Итак, господа офицеры, терпению командования пришел конец. Каждый проверяющий ежедневно на нас рапорта строчит о нарушениях Правил безопасности. И нечего мне на рабочих кивать! Сам знаю, что это они бардак наводят. А наша главная задача – это дело обеспечивать! – Старпом умолкает на секунду, заметив улыбки на лицах слушателей. Потом осознает двусмысленность своей фразы и еще больше ожесточается. – Да-да, о-бес-пе-чи-вать!!! Чистоту, порядок, наличие средств, соблюдение Правил! Ежесекундно!!

– Товарищ капитан 2 ранга! – Это командир второго отсека старший лейтенант Кротов, он чуть постарше остальных, и может позволить себе некоторые вольности. – У меня в отсеке всего два матроса, которые через день на вахту заступают, и сто рабочих ежедневно. Это как я буду что-то обеспечивать?!

Тут же начинают нестройно галдеть все остальные.

– Прекратить! – Старпом оборачивается к Кротову и еле слышным шипящим голосом выдавливая, – я тебе сейчас объясню, как. – Шипенье мгновенно переходит в визг. – Жопой своей! Погонами!! Карьерой!!! Жить будешь в своем отсеке на грязном матрасе! Прямо под аварийным щитом! А на нем ВЕСЬ инструмент будет в наличии, красный, черный, блестящий, как обезьянья задница в борделе! – Описанная картина, вероятно, поражает и его самого, потому что капитан 2 ранга, хоть и выпучив глаза, но уже на два тона ниже заканчивает. – Всех касается! С сегодняшнего дня ни один из вас не сойдет с борта, пока не будут полностью укомплектованы аварийные щиты в каждом отсеке.

В 17 часов я вместе с механиком и всеми вами обхожу корабль. Если чего не найду, пеняйте на себя и... расстилайте матрасы!

На эту тираду уже никто не улыбается. Дурной нрав старпома всем хорошо известен.

А ведь сегодня пятница! Какие планы погорят на выходные! Какие... Это вам не «обезьянья задница в борделе». В серьезности намерений командования и упертости в их практическом воплощении никто не сомневается. Разве, что вектор переменится, или точка приложения сил. Ну, например, американский агрессор нанесет ядерный удар в обед прямо по их цеху. Это все-таки немного более вероятнее, чем полная укомплектованность и блестящий вид отсечных аварийных щитов.

Ядерный удар не состоялся.

В 17 часов, как в лучших классических пьесах, ружье, дотоле спокойно висевшее на стене, начинает стрелять... Первой жертвой прямого попадания становится командир третьего отсека, неприметный с виду лейтенант, обладающий чрезвычайно тихим голосом и печальными глазами обиженного спаниеля. Его отсек – центральный, трехпалубный, входной-проходной, в общем, идеальная мишень. Промахнуться невозможно.

– И что Вы нам имеете предъявить, лейтенант Рябинин? Ведь Вы у нас обладатель уникальной коллекции из целых трех щитов. Так, по крайней мере, думают составители Правил. А Вы лично придерживаетесь того же мнения? – Старпом по-нехорошему весел и откровенно играет на публику. Но «публика» равнодушна: сейчас каждый предчувствует лишь свое скорое и неизбежное унижение. – Что это Вы там сжимаете в потном кулачке? Позвольте-ка ознакомиться!

Действительно, в руке Рябинина зажата холщовая сумка, в которой что-то металлически позвякивает. Лейтенант медленно извлекает на свет Божий ржавую пилу-ножовку и металлическую часть свежеразломанной кувалды.

– О-о-о! – восторг старпома не имеет границ, – да Вы у нас антиквар! Позвольте поинтересоваться, на каком аукционе сие великолепие приобретено по случаю? Кристи, Сотбис? – Рябинин молчит, печально глядя куда-то в сторону. – На какой помойке, я спрашиваю, ты эту херню раскопал?! – Старпому уже надоедает изображать просвещенного и интеллигентного мецената. – Ну!!

– Матрос Казарян в трюме обнаружил, – тихий голос командира отсека еле слышен, – только что.

Лейтенант еще не понимает, какую яму он сам себе «только что» выкопал. Зато все остальные осознают это мгновенно и, располагавшиеся дотоле плотной группкой вокруг старпома и механика, незаметно раздвигаются в стороны. В освободившемся пространстве обе руки начальника взлетают вверх и мелькают наподобие лопастей гребного винта, причем, во всех трех плоскостях, лицо из просто красного становится лилово-свекольным, а звуки, вылетающие из перекошенного рта, больше напоминают взвизги старой пилорамы на запредельных оборотах. Брызги слюны долетают до отсечной переборки.

– Э-т-т-о... в трю-у-у-ме?! – Старпом задыхается, – э-т-т-о т-т-ам, г-г-где должно быть сухо, чисто и светло, как... как... в микроскопе?! Т-т-ам за-а-а-ржавело-о-о?!

Следующая минута столь насыщена виртуозной ненормативной лексикой, что проходящие мимо мужики-рабочие, сами изъясняющиеся и в обыденной жизни на родственном диалекте, удивленно крутят головами, а немногочисленные женщины в спецовках торопятся проскользнуть побыстрее, но останавливаются метрах в пяти, чтобы, наверно, не упустить чего-то вовсе не свойственного их нежным и мягким душам, но притягивающее своей запретной харизмой.

Резюме старпома столь же естественно и ожидаемо, сколь предельно жестко:

– Механик! Понятно, что расспрашивать этого офицера об укомплектованности аварийных щитов просто бессмысленно, – он пристально оглядывает совершенно неподвижную фигуру впавшего в ступор лейтенанта, потом щелкает пальцами перед его остановившимися полуприкрытыми «плачущими» глазами, причем, безо всякого ответного эффекта, и удовлетворенно заключает, – весь личный состав отсека разместить на борту. Кормить вместе с корабельной вахтой. Из трюма не вылезать! Командиру отсека находиться вместе с подчиненными неотлучно! Утром в понедельник представить мне вылизанные трюма. А потом заниматься щитами. Проинструктировать заступающих дежурных по кораблю, чтобы осуществляли постоянный контроль за работами и докладывали лично Вам, Анатолий Павлович. Все ясно?

– Так точно! – Это был четкий ответ механика. На какую-либо реакцию со стороны лейтенанта рассчитывать не приходилось. Вряд ли он даже слышит распоряжение.

– Достучитесь потом, механик, до своего подчиненного, – старпом кивает на Рябина, – обрисуйте ситуацию и... последствия.

Пока продолжается эта тирада во втором ряду участников «проверочной акции» старший лейтенант Проворов, командир десятого отсека, слегка наклонив голову к плечу Кротова и не разжимая губ, сдавленно выдыхает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.